

George Rousseau

**RACHMANINOFF'S
CAPE**

A NOSTALGIA MEMOIR

Джордж Руссо

**ПЛАЩ
РАХМАНИНОВА**

ЗАПИСКИ О НОСТАЛЬГИИ

Перевод с английского Дарьи Берёзко

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 78.071.1(092)
ББК 85.313(2)6-8
Р89

Художник А. Иващенко

ISBN 978-5-7516-1571-0

© George Rousseau, 2015

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

*Посвящается Эвелин Амстер,
чья история помогла мне
понять мою собственную*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Пусть первые страницы не обманывают читателя, подталкивая к мысли, будто «Плащ Рахманинова» — плод вымысла. В начале может показаться, что перед вами роман, но стоит прочесть несколько десятков страниц — и вы поймете, что «я» рассказчика призвано подготовить почву для последующих мемуаров: двойной истории Эвелин и Джорджа, которые мечтали о новой биографии русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова (1873—1943). И если рассказчик (Джордж) прибегает к приемам художественного вымысла в изображении Эвелин, то для того лишь, чтобы как можно скорее погрузить читателя в ее противоречивый мир. Вслед за этим он сможет сам исследовать параллельные вселенные всех трех персонажей: Эвелин, Джорджа и Рахманинова. Главной моей задачей было внятное описание такого сложного понятия, как ностальгия. А еще я хотел показать, какой была новая жизнь Рахманинова, в основе которой — ностальгия, показать, что любая жизнь включает в себя нечто большее, чем стандартный образ, созданный биографами-традиционалистами. Эти мемуары включают в себя чувства большой силы, владевшие Эвелин и Джорджем, которые с 1940-х годов до настоящего времени были вместе погружены в жизнь Рахманинова, и затем разбирают творческую ностальгию Рахманинова по роди-

не — ностальгию, которую мы начинаем понимать только теперь, когда «холодная» война завершилась, железный занавес пал и с 1989 года миллионы людей покинули свою страну, как Рахманинов, потому что не могли больше представить себе существование в ней. И если моя книга, призванная вдохнуть жизнь в понятие ностальгии после колоссальных освободительных усилий 1989 года, покажется в отдельных частях замаскированным вымыслом, то это лишь видимость. Ностальгия остается одним из наименее изученных и при этом наиболее универсальных человеческих чувств. Все персонажи «Плаща Рахманинова» реальны, они ходят или когда-то ходили по той же земле, что и мы с вами: начинающая пианистка Эвелин Амстер (1918—1989), университетский преподаватель Джордж Руссо (род. 1941) и великий русский композитор Сергей Рахманинов.

Я написал эту книгу, потому что современные читатели жаждут более глубокого понимания ностальгии, чем то, что предложено им сегодня: им нужна ностальгия не в виде товара массового потребления, навязываемого через СМИ и Интернет, и не журналистская версия ностальгии с политической окраской, а более универсальный образ, соизмеримый с такими базовыми понятиями, как рождение, смерть, любовь, брак, и широким спектром эмоций, без которых человеческое существование изменилось бы до неузнаваемости. Читатели хотят понять, что есть ностальгия в эмоциональном, психологическом и культурном плане и почему она так широко распространилась по всему миру, освоенная и скомпрометированная как западной, так и восточной культурами, — ностальгия, чья суть пока не раскрыта. Они хотят сравнить оттенки своей собственной ностальгии с тем, что чувствовали знаменитый композитор Рахманинов и никому не известная, но много страдавшая американка Эвелин. Я не смог бы раскрыть все это через бесстрастный — от третьего

лица — рассказ под пафосным названием «история ностальгии», как я объясняю в диалоге с Хелен в конце первой части.

Более того, если музыка действительно самое возвышенное из искусств, то она служит прекрасным контекстом для раскрытия малоизученного соцветия ностальгических чувств. Ведь одна из их самых распространенных форм ностальгии, с которыми знаком обычный человек, это эмоциональная реакция на любимую музыку. И мало кто из композиторов лучше подошел бы на роль главного героя книги о ностальгии, чем Рахманинов, потому что он объединяет высоколубую классическую музыку и популярную голливудскую. Рядом с Эвелин, которая была столь же неизвестна, сколь он знаменит, Рахманинов охватывает весь регистр ностальгии, олицетворяет ее психологические и эстетические глубины и интересен широкому кругу читателей, от специалистов до просто образованных людей. Такого рода исследование ностальгии вызывает трудности биографического, культурного, исторического и литературного характера, но наибольшая трудность кроется в смешанном двойном жанре воспоминаний и биографии.

Джордж Руссо

Часть I

ЭВЕЛИН И РАХМАНИНОВ

За несколько месяцев до смерти, наступившей перед Днем благодарения 1989 года, Эвелин Амстер сложила все свои записи в большой сундук. Последние несколько лет она медленно угасала, играя фрагменты произведений Рахманинова на пианино в эркере *adobe casita* (что-то вроде глинобитного домишки по-испански), как она называла свое жилище, и проваливаясь в дрему, когда над Тихим океаном полыхал закат. Сундук стоял справа от пианино, и она методично складывала туда бумаги. Каждый день по несколько тетрадок, связанных в большие, маленькие и средние стопки, пока не заполнила его доверху.

Потом она позвонила в «Федерал экспресс» и попросила доставить сундук ко мне в Голливуд-Хиллс, на другой конец города. Стояла середина ноября 1989 года, мы не виделись почти год. Эвелин было невдомек, что я находился в Нью-Йорке, куда уехал в творческий отпуск, дабы продолжить свои исследования по истории ностальгии — сложному и запутанному предмету, — поэтому она отправила сундук на мой калифорнийский адрес. Почту проверяла моя соседка Стелла, она пересылала мне важные сообщения и извещала, если возникали проблемы. Стелла обнаружила сундук через несколько дней после его прибытия и была заинтригована именем отправительницы и содержимым сундука.

Накануне Дня благодарения она позвонила мне в Нью-Йорк, чтобы поздравить. В разговоре Стелла

упомянула о ноябрьской почте: «И еще там был большой старомодный деревянный сундук от Эвелин Амстер с Венис-бич, слишком громоздкий и тяжелый, чтобы его забрать». Расспросив подробности, я выяснил, что Стелла не смогла в одиночку перенести сундук в машину и оставила его у меня в подъезде.

Я услышал имя и заподозрил худшее. Эвелин Амстер была семьдесят один год, она была совсем слаба и, скорее всего, уже умерла.

— Пусть стоит там, — велел я Стелле и, прежде чем подумать, выпалил: — Я, наверное, прилечу на похороны.

Но на этом мое любопытство не закончилось. Я попросил Стеллу открыть сундук, исследовать его содержимое и перезвонить мне на следующий день.

Стелла позвонила утром в День благодарения.

— Там какие-то исписанные тетрадки, дневники с пометками и каракулями, маленькие желтые блокноты, тоже исписанные, связки писем, многие из них старые, потому что бумага начала крошиться.

Именно то, что я и ожидал. Эвелин двадцать лет прожила затворницей на Венис-бич, в *другой* Венеции, как называли это место жители Лос-Анджелеса — Венеции, на дощатых набережных которой мужчины поигрывали мускулами. Эвелин переехала туда примерно в 1968 году «в поисках Сергея Рахманинова», как она сама выражалась с манерными интонациями в голосе, призванными заглушить нью-йоркский акцент; в поисках великого пианиста и композитора, уникальной фигуры в американском сознании XX века. Фамилию Рахманинова было столь же сложно произнести и написать, как и играть его музыку, но у Эвелин имелись свои причины.

Она вела тихую жизнь и по мере угасания делала все больше пометок в блокнотах. Она писала часами: ничего законченного, даже не длинные письма, а просто обрывочные зарисовки, впечатления, где

говорила, что перед смертью хочет узнать «правду» о величайшем пианисте ее поколения — Сергее Рахманинове.

В том же телефонном разговоре я спросил Стеллу, не стоит ли на сопроводительном документе от «Федерал экспресс» обратный адрес отправителя, и она ответила, что «да, 1D Венис-бич». Я попросил Стеллу съездить туда — это в полчасе езды от моего дома — и разузнать об Эвелин все, что можно. Бесмысленно было бы звонить ей, если она умерла. Но на случай, если она жива, я дал Стелле ее номер. Это был День благодарения, когда американцы обычно звонят друг другу.

В выходные Стелла подъехала к обшарпанному многоквартирному дому на набережной, постучалась к Эвелин, а после того, как никто не ответил, расспросила соседей и выяснила, что «странная дама» действительно умерла с неделю назад. Одна соседка, знакомая Эвелин, сообщила, что похороны назначены на следующую среду, второе декабря, о чем Стелла доложила мне вечером по телефону.

Я вылетел первым доступным после праздника прямым рейсом, за день до похорон, во вторник первого декабря, чувствуя в равной степени любопытство относительно содержимого сундука и печаль из-за смерти Эвелин. «Как было бы хорошо, — думал я в самолете, — увидеться с ней в последний раз, спросить, что же она узнала о своем кумире, Сергее Рахманинове, и поблагодарить за то, что она сделала для меня сорок лет назад». Хотя в последние годы мы с Эвелин редко виделись, я никогда не переставал восхищаться великодушием, которое она проявила, когда мне было восемь.

Стелла не смогла дать мне адрес похоронного бюро, и я понял: если хочу успеть, нужно торопиться. Взял напрокат машину в аэропорту и поехал напрямик на Венис-бич по прибрежной дороге — там не более

четверти часа пути. Прожив в Лос-Анджелесе двадцать лет, я знал город как свои пять пальцев.

Я нашел управляющего домом Эвелин, измученного артритом карикатурного старичка-еврея в кроссовках и бейсболке, и рассказал ему все по порядку: о том, что я преподаватель Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и нахожусь в творческом отпуске в Нью-Йорке, о своем давнем знакомстве с Эвелин, о сундуке, о том, что прилетел на похороны и надеюсь, что не опоздал.

— Таки не опоздали, — ответил управляющий. — Это завтра, в среду. Вы как раз вовремя, молодой человек.

Затем он отвел меня в пустую темную квартиру, где жила моя подруга Эвелин, тело которой лежало теперь в морге. Там было довольно опрятно, только повсюду разбросаны книги Эвелин. И никаких блокнотов: должно быть, она все их сложила в сундук, ожидающий меня в Голливуд-Хиллс.

Управляющий рассказал мне, что Эвелин распорядилась провести прощание в местном похоронном бюро. Говорил он, сильно картавя. Наверное, выбор похоронного бюро подвергся обсуждению, или, возможно, местные жители, в большинстве своем старики, были хорошо знакомы с этим заведением и его выдавшей виды обстановкой. Управляющий сказал, что придут всего несколько человек.

— Мы, евреи, хороним быстро, некогда рассылать приглашения, к тому же во время праздников. Да и знакомых-то у Эвелин было всего трое-четверо.

Вооруженный всеми этими сведениями, лично осмотрев ее пустую квартиру — доказательство того, что она действительно умерла, — я поехал домой. По Венис-бич до Десятого шоссе и дальше до Голливуд-Хиллс.

Я слишком устал после перелета, чтобы сразу же заняться содержимым сундука, но не мог лечь спать, не заглянув внутрь. Стелла описала мне заметки

Эвелин по телефону, но совсем другое дело, сказал я себе, увидеть их собственными глазами. Как я и подозревал, большинство из них было посвящено Рахманинову, но время от времени встречались воспоминания и размышления о жизни ее сына. Я открыл несколько блокнотов, пролистал их, опустил деревянную крышку и лег в постель.

В среду я проснулся рано, принял душ, плотно позавтракал в кафе и поехал в еврейское похоронное бюро задолго до полудня, когда должно было начаться погребение. Домоправитель оказался прав: пришло всего шесть человек, только женщины — одна из них довольно расфуфыренная — и раввин.

Раввин произнес проникновенную речь, сказал, что Эвелин была женщиной обширных познаний и величайшего присутствия духа, она чудесно играла на фортепиано и в молодости давала концерты. Катафалк отправился на кладбище, что находилось неподалеку в Калвер-Сити, как и распорядилась Эвелин. Четверо из нас последовало за ним. Над могилой прозвучали молитвы, мы разорвали на себе рубашки, бросили обрывки в могилу и, прочитав кадиш по Эвелин, стали смотреть, как гроб опускают в землю. На этом все и закончилось: ни застолья, ни воспоминаний, ни разговоров — мы просто разошлись.

С сухим, онемевшим ртом я завел взятый напрокат автомобиль, размышляя о том дне, когда и я исчезну из мира, — неужели и со мной придут проститься всего пять человек и раввин? Потом я поехал к Стелле в Раньон-Каньон, чтобы рассказать, как прошли похороны. Стелла приготовила восхитительную пасту с сардинами и анчоусами; мы выпили две бутылки вина и проговорили, в основном об Эвелин, до самой ночи.

Траектория жизни Эвелин была мне известна давно: после Первой мировой она росла в Куинсе, единственный ребенок разбогатевших еврейских эмигрантов, ее отец был европейским коммерсан-

том, успешным, харизматичным и усатым; после неудачного дебютного концерта она вышла замуж за Сэма Амстера и родила своего единственного ребенка, Ричарда, музыкального гения, который играл на виолончели.

Все это были для меня дела минувшие, но похороны разбудили яркие воспоминания о том страшном дне 1949 года, сорок лет назад, и, пока мы со Стеллой ели и пили, я все рассказывал ей о той «катастрофе».

Сыну Эвелин Ричарду было тогда семь лет, он был на год младше меня. Мы познакомились в музыкальной школе на Чатем-сквер, в Манхэттене, где оба получили стипендию на обучение. Уже в таком нежном возрасте нас соединяли в пары, фортепиано со смычковым инструментом, и Ричард стал моим партнером. Мы подружились, и как-то осенью в субботу — этот день недели ученики обычно проводили в школе на Чатем-сквер — миссис Амстер в первый раз пригласила меня на выходные к ним домой в Куинс. Это был восьмой день рождения Ричарда.

Мои родители жили в Бруклине, машины у них не было, поэтому отец отвез меня на метро до Флашинга, где жили Амстеры. Сэм Амстер встретил нас на станции, отец представился и через несколько минут попрощался, вручив меня этому человеку, который повез меня на машине к их дому в паре километров оттуда. Как я понял, отец должен был забрать меня в воскресенье после обеда.

Мне, восьмилетнему мальчику, их дом показался огромным — это было кирпичное строение в несколько этажей. Эвелин в изящном платье с цветочным узором ждала нас у двери, и, когда я зашел внутрь, до меня донеслись запахи готовящейся еды. Эвелин отвела меня наверх, в маленькую спальню, предложила оставить там чемоданчик с вещами и отправила к Ричарду, который упражнялся в музыкальной комнате.